

ГЛАВА 59

Авторынок. 19 июля 2008 года – первый день, когда мы очутились там в качестве продавцов. Цену на «ниссан» мы вывели просто – добавили к его стоимости пятьдесят тысяч, напечатали на принтере на листе «380 000 руб.» и сунули его под лобовое стекло.

- Посмотрим спрос, ну, если не пойдет, то снизим цену, да? – предложил я.

- Ну да, давай так, - кивнул Сергей. – Чип че, потом снизим.

Ни я ни он понятия не имели, как функционирует авторынок, знали лишь, что есть две торговые площадки – для иномарок и для отечественных автомобилей. Договорились встретиться у въезда на авторынок в девять утра. Порядок действий наметили простой – Сергей приезжает к нашему офису, пересеживается с «мазды» в «ниссан» и едет на нем к авторынку; я выхожу из дома и еду сразу к месту встречи. Обоим было удобно – Сергей по пути лишь менял машины, я же, не делая ненужный крюк с заездом в офис, прибывал сразу на место. Первый день, как и положено, вышел комом – едва мы встретились, как выяснилось – мест на торговой площадке для иномарок уже нет.

- Че будем делать? – глянул на меня стеклами очков Сергей.

- Место будем искать, других вариантов нет! – сказал я. – Пошли походим поищем!

На площадке умещалось шесть рядов машин метров по семьдесят в длину. Крайние ряды были одиночные, и машины в них стояли задом к забору ограждения. Внутренние ряды шли вдвоем – в каждой машины стояли задом к соседней. Почти посреди площадки высилась ржавая мачта ЛЭП, ноги ее раскорячились так широко, что...

- Слушай, а если сюда встать? – кивнул я в сторону промежутка в опорах ЛЭП.

Сергей согласился. Оплатив въезд, мы заехали на площадку и подсунули «ниссан» под мачту ЛЭП.

- Надо будет в следующий раз пораньше приехать... – буркнул Сергей.

- Надо, - кивнул я и, поняв, что хочу есть, огляделся. У въезда на площадку стояло кафе-павильон, а в ее противоположном конце виднелся киоск-тонар. От него к площадке с отечественными автомобилями вела тропинка. Между площадками находился котлован. Глубокий, метров в пять. В котлован из-под дороги шла сливная труба. Тоненькой нитка тропинки шла вдоль нижнего края котлована. Завершив обзор, я зашагал в сторону кафе и стал обдумывать увиденное. Условно площадка иномарок делилась на три зоны. Первая – ближняя к въезду и часть верхнего ряда – дорогие машины, в основном джипы; продавцы – профессиональные перегонщики авто из-за границы; цены – около миллиона; машины относительно новые, до пяти лет. Вторая зона – середина площадки, внутренние ряды, ближняя их половина к въезду – те же перегонщики авто с машинами попроще; цены от полумиллиона до восьмисот тысяч. Третья – все остальное, дальние углы площадки рядом с котлованом и ряды вдоль нижнего забора – местные «перекупы» авто и те немногие, кто привезли на продажу свою машину. Я прогулялся до кафе и пошел обратно.

- Че там? – спросил Сергей, едва я вернулся.

- Да так, просто посмотрел че к чему!

- Поел?

- Не!

- Ну тогда пошли кофе поьем!

Подойдя к тонару, мы взяли по стаканчику кофе и, став в сторонке, принялись разглядывать наш угол площадки с машинами местных перекупщиков.

- А этого дрючбана я знаю... – дернул вперед подбородком Сергей, указывая на высокого сухошавого и чуть сутулого мужика лет сорока, стоящего подле машины через две от нас. – Пойду, поздороваюсь...

Сергей направился к знакомому и, оживленно пообщавшись с тем, вернулся.

- Да! Витька! Прикинь!? – возбужденно махнул он рукой с зажатым в ней брелоком от «ниссана» в сторону знакомого. – Оказывается, машинами тут торгует! А мы давно с ним не виделись, лет десять, наверное! А он тут уже семь лет, прикинь!

- И че, как, получается? – произнес я, поглядывая на Витьку, тот слонялся вокруг своей машины блатной походкой и постоянно крутил головой по сторонам. Мне он не понравился сразу. «Скользкий, нечестный, хитрый, скрытный, скорее всего подлый», - подумал тогда я, оценив бегающий взгляд выцветших безжизненных глаз. Все в знакомом Сергея выдавало мелкого ловкача – движение рук, плеч, мимика лица.

- Говорит – получается! Две квартиры на машинах заработал, прикинь!? – покачал уважительно головой Сергей, скривил уголки рта вниз и шмыгнул носом. – Мда...

Я ухмыльнулся, поняв смысл этого короткого «мда» без труда. В сказанной фразе «мда» означало следующее – знакомый Витя заработал многовато, все-же две квартиры – это много, хотелось бы, чтоб меньше, но Витя, заработал аж на две квартиры... мда...

- Ну, это он так сказал, Серый... – произнес я и отпил из стакана.

- А! Ну кстати, да! – просветлело облегченно тут же лицо Сергея.

Я продолжал разглядывать Витю, пытаясь понять его натуру вот так, лишь через визуальную оценку, без общения.

- Ну и че он вообще говорит? Какие машины лучше продаются? Как вообще здесь торговля? Где лучше тут или по объявлению? – допил кофе я и отправил стакан в урну.

Из пересказа Сергеем слов знакомого стало ясно, что перекупщики и перегонщики дают объявления о продаже авто в местные газеты и параллельно выезжают на авторынок. И с моделью «ниссана» мы вроде как угадали, такие машины действительно пользовались спросом. Покупатели в тот день были активны – подходили, глазели на машину, парочка мужчин даже осмотрела салон, но не более. Из двухсот иномарок на площадке, едва ли с десяток оказались с правым рулем. Немного, но факт не являлся ни положительным, ни отрицательным. Все с тех же слов знакомого Сергея, покупатели на «праворукие» авто – отдельная категория, которая интересуется только такими машинами.

- В общем, надо нам ждать своего покупателя и все, - сказал по итогу Сергей.

- Будем ждать... – кивнул я.

С одиннадцати до часу на авторынке настал покупательский пик – народ пребывал, разморенные солнцем зеваки плотно забили все пространство между рядами машин.

- После часа можно уезжать! – подойдя к нашему минивэну от скуки, сообщил в полдень знакомый Сергея. – Ну максимум до двух побыть и уезжать!

Я и Сергей спасались от жары в «ниссане», я сидел на задних сидениях, он – на месте водителя. Сдвижная дверь была распахнута, знакомый Сергея топтался напротив нашей машины и явно переигрывал, изображая перед нами крутого дельца. Сергей, в свою очередь, в схожей манере вешал тому лапшу о нашем бизнесе. «Как мало надо людям для самоутверждения, всего лишь иногда врать другим о своем успехе», - подумалось мне. Сидеть сзади в «ниссане» было приятно, уличная жара не заходила в салон, кожа сиденья отдавала прохладой. Я крутил головой по сторонам, проникаясь пульсом авторынка. Мне все было в новинку и интересно, и потому первый день пролетел быстро. В час в торговых

рядах стали появляться бреши – машины, словно спасательные капсулы космического корабля, срывались со своих мест и уносились прочь. Солнце пекло нещадно. Я начал потеть. Сергей тоже мучился, неустанно подтирая пальцами на лбу крупные капли пота.

- Че, может, поедем? – произнес он, достал из кармана шорт телефон. – Час.

- Давай до двух побудем! – выдал я с азартом. – Люди вроде еще ходят мало ли...

Мы уехали в два. Сергей повел «ниссан» к офису, а я пошел на маршрутку.

- Че, ремонт делаешь? – поинтересовался Сергей как-то между делом.

- Да, делаю потихоньку... – кивнул я. – Ванную и туалет уже сделал, как раз вот на днях смеситель, унитаз, раковину и все такое поставили с отцом, смонтировали...

- Сами что ли? – бросил пытливым взгляд Сергей.

- Ну да, сами, а чо... там делать то несложно...

- Ну да... – отмахнулся небрежно Сергей. – Я, в принципе, тоже дома все сам делал. Не, ну, кроме чего-то сложного... того же паркета. Че за сантехнику ставил? «Grohe», да?

- Неее... «Hansa»! Тоже немецкая, только не такая дорогая... Какой смысл за марку переплачивать!? – расслабленно выдал я и понял, что отвечаю обдуманно, будто вымеряя каждую фразу. С неких пор я стал видеть в вопросах Сергея двойной смысл. Он ими будто расставлял капканы, а я выверенными ответами обходил их. И пришло это умение ко мне само – с кем поведешься, того наберешься. Я будто спрятал свои простые черты характера – прямоту, честность, открытость. И явил для Сергея черты, какие чувствовал в нем самом все больше. Я будто стал отзеркаливать Сергею его же энергетику, подстраиваясь так под общение с ним. «Ты становишься похож на отца», - вспомнил я слова матери, осознавая, что мы все приобретаем черты людей, с которыми общаемся. И, ведь, верно. До Сергея, я так много проводил времени с отцом, что стал таким же угрюмым и замкнутым. И с этим – упрямым, настойчивым и негибачимым. С недостатками отца, я впитал и достоинства. С Сергеем все повторялось. Его веселость, легкость, искрометный юмор словно встряхнули меня и вернули себе прежнего, избавив от взятых от отца недостатков, но втравив в меня и нехорошие черты. Я буквально чувствовал, как становлюсь недоверчивым, двуличным, хитрым. Все это было чуждо мне раньше. Я с тревогой ощущал, как чернота этих качеств проникает в мою кровь, разносится по организму, оседает в нем и начинает разлагать мою плоть. «Один год, потерпи, остался один год и следующей осенью ты уедешь в Москву и все!» - твердил я себе в то лето. Появилось ощущение нехорошей игры. Заполненная уже изрядно негативом бочка наших отношений, продолжала им полниться; чернота негатива Сергея проникала в меня все глубже; время тикало, приближая момент моего отъезда, или момент, когда я пойму, что не могу с ним общаться и находиться рядом. Мы двигались к критической точке, в которой предстояло принять очередное жизненное решение. «Ладно, не накручивай себя, год пролетит быстро, передашь бизнес отцу и спокойно уедешь», - осаживал я себя в моменты таких раздумий.

Сергей озадаченно поглядел на меня, пожевал губу и промолчал. Это значило одно – ответ я составил верно. Как и большинство людей, Сергей мерил качество вещей ценой и известностью их марки. Он был не из тех, кого можно было приятно удивить недорогой, но качественной вещью. Я обошел капкан его вопроса проверенным способом – повторил трюк с китайским телефоном, дав понять, что совершил покупку такой же качественной сантехники, и тоже известной марки, но... дешевле. Сергей жевал губу, а я наблюдал, как внутри него ожила борьба кичливости с жадностью.

- Ну, смотри, Роман! – подложил Сергей вновь, однажды ставленный капкан. – Если тебе нужна помощь в ремонте, то скажи, я приеду, помогу! Сделаем тебе ремонт вместе!

Фальшь предложения пряталась за картонной искренностью плохо.

- Прикинь, Серый предлагал помочь с ремонтом... – поведал я в тот же вечер отцу, когда мы вдвоем ехали с работы домой. Последнее время наше общение наладилось, хоть немного и однобоко. Словно по молчаливому согласию, мы оставили в стороне негатив и недосказанности меж нами, найдя тему для общения – натуру Сергея. Плохо ли обсуждать других за глаза? Плохо, если распускать сплетни и подобное. Такое меня не интересовало. Меня интересовали люди, их мысли и поступки. Наблюдательность, любознательность, пытливость – врожденные черты характера делали свое дело, я настырно колупал натуру Сергея с разных сторон. Подогревало интерес то, что я начинал понимать некоторые его мотивы, стал часто предугадывать поступки напарника. Незаметно для себя, я втянулся в своеобразную психологическую игру, обнаружив, к своему удивлению, что Сергей ведет ее с самого начала нашего знакомства.

Отец вел «газель» и курил.

- Ну ему же любопытно, что и как я там делаю, как устроился... – добавил я.

- Естественно... – едва заметно улыбнувшись, произнес отец.

- Поковырялся бы со мной в квартире день-другой и слинял бы под благовидным предложением...

- Само собой...

- Чудной он! – хмыкнул я. – Ерундой какой-то занимается... Мне бы вот, если б он делал ремонт в квартире, было бы до лампочки, че он там и как че делает! Я бы не стал в глаза лезть и набиваться в помощники! Зачем!???

- Ну ему же интересно... Он бы покрутился немного для вида, конечно, а потом бы слинял... А после попросил бы тебя помочь ему с ремонтом или с чем-нибудь еще... И ты бы поехал и помог...

- Ну эт да... – задумался я, анализируя слова отца.

- Ты же добросовестный! – выверено точно добавил он.

- Ну да, - пожал плечами я, ощутив легкий приступ стыда, вроде как от похвалы.

- Ну вот! И добросовестно бы ему помог! Что и требовалось...

- Ну да, верно... – буркнул я, заметив, что жую задумчиво губы на манер Сергея.

В тот раз я Сергею ничего не ответил, но он был настойчив, и как бы невзначай предложил свою помощь снова. Помня разговор с отцом, я ответил как можно беспечнее и дружелюбнее: «Да не, Серый, нет нужды в этом! Там не так много работы, мы с отцом все не спеша сделаем! Че там осталось то – поменять батареи, покрасить стены, вкрутить розетки, постелить ламинат, вставить двери и все – можно въезжать!

- А мебель?

- Ну, куплю самое необходимое в начале – кровать, холодильник, стиралку... Да и то, спать можно на полу! Мне ваще пофиг! Я не притязательный... Главное – свобода!

- Да, у нас так же было... – нырнул взглядом в воспоминания Сергей. – Въезжали, ничего не было, спали первый год на матрасе на полу... за то радости было! Да, Верок?

- Да, вообще ничего не было! – поддержала весело та. – Даже вилок с ложками не было! Это все ерунда, Роман, главное – свой угол!

Вера смотрела на меня искренне с улыбкой и горящими глазами, какие бывают у людей, испытавшими счастье и вспыхивающими эмоциями всякий раз, когда речь заходит о том памятном событии.

- Круто, да... – кивнул я понимающе. – Своя квартира – это реально круто!

- Роман, да канешно круто! – выпалил Сергей. – Это тебе повезло так же, как и мне в свое время, когда Давидыч мне добавил денег, и я тут же через неделю купил себе хату! И мне было тогда... Да столько же было как тебе почти! Двадцать восемь лет! Квартира – свой угол, это свобода! Вон, Ромке моему сейчас столько же примерно, а квартиры своей нет и все – с бабой не познакомишься уже, домой не приведешь!

- Да ладно, че не приведешь!? – возразил я. – Вы же с Верой встречались и так же жили у вас в своей комнате!

- Ну... то Верок... – буркнул Сергей. – Да не особо то и приведешь, когда приходишь ночью с бабой, а мать выходит, орет и бьет тряпкой по морде при этой бабе!

- Бля, жесть какая-то... – выдавил я из себя.

- Ну вот так вот! – вздохнул Сергей.

Про батареи он тоже в другой раз спросил, но с меньшим энтузиазмом.

- Че, поменяли батареи? – принялся жевать губу в понедельник 28 числа Сергей.

- Да, поменяли! – кивнул я.

- Че за батареи поставили? Белые такие, алюминиевые? – будто осторожничая и прощупывая меня, поинтересовался Сергей.

- Да, биметаллические, итальянские. Не прямые, а выгнутые чуть дугой... – сказал я как можно беспечнее, добавив нужное. – Вообще так дешево их купил, везде по шестьсот рублей такие, а я эти по четыреста за секцию купил, прикинь!

- Ммм... – промычал Сергей и шмыгнул носом.

На следующее утро я едва успел войти во дворик автомастерской, как следом лихо вкатила «мазда» и припарковалась у «ниссана». Из машины лилась какая-то современная электронная музыка, причем та, что крутилась в клубах и была популярна у продвинутых тусовщиков. Я встал как вкопанный, встретив вышедшего из машины Сергея картинным удивленным взглядом. Тот, уловив мою реакцию, довольный произведенным эффектом, вспыхнул глазами и с видимым усилием сдержал улыбку.

- Серый! – развел я руками. – Ты меня удивляешь!? Что за музыку ты слушаешь!?

- А что, нельзя что ли!? – расплылся все же в улыбке тот, продолжая стоять подле распахнутой водительской двери. С противоположной стороны из машины вышла Вера.

- Серый, можно, но ты как-то не был замечен в любви к такой музыке! Как же так случилось? Что стряслось? – продолжал я допытываться в шутливой форме, зная хорошо музыкальные пристрастия напарника, клубную музыку тот не любил.

Поздоровавшись, Вера зацокала шпильками по ступеням лестницы в офис.

- А может, я решил теперь такую музыку слушать! – выдал в своей игривой манере Сергей и выключил магнитола. – Не одному ж тебе быть в курсе модных телодвижений!

- Да я уже сто лет в этих клубах не был! – отмахнулся я.

Сергей подошел ближе и произнес:

- Мы как-то с Верком поехали на вылазку со знакомыми, там тоже были семейные пары, ну и так, просто друзья... Я тогда еще в «Саше» работал... И мы подъехали на место в лес, а там все уже сидят, поляна накрыта, музыка играет. И у нас в машине тоже играет,

ну так, попса какая-то, то, что тогда из каждого магнитофона слышно было... И один так повернулся и сказал – О! Колхозники приехали! – А все засмеялись...

Сергей замолк на мгновение и добавил: «Знаешь, так обидно стало...»

- Да а ты бы в ответ сказал – да сами вы колхозники! Да и все! – произнес я, желая подбодрить напарника. Мы пошли в офис. Дома я задумался над случаем из жизни Сергея и поймал себя на мысли, что внутренне согласен с той грубой шуткой. Ведь все зависит от того, что вкладывать в этот обидный ярлык. В моем понимании, это не клеймо биографии, человек, ведь, не выбирает, где и в какой семье родиться. И не профессией определяется «колхозность» человека. Внутреннее понимание жизни, его проекция в действиях, образе жизни, поступках – это расставляет нас по полочкам жизни. Я перебрал в мыслях все, чем жил и дышал Сергей – его интересы, устремления: книг он не читал; музыку, качественнее обычной популярной не слушал; кино смотрел то, что само лезло в глаз, не пытаюсь найти за коммерческим потоком хоть что-то стоящее; вкуса в одежде не имел, одеваясь как все с некой долей вычурности; самообразованием не занимался, спихнув даже полуформальное заочное обучение на жену; он ничем не интересовался, не имел долгих устойчивых хобби. Сергей жил как большинство – не стремлениями, а желаниями. Я вдруг понял, что в моем понимании «колхозник» – синоним серости и невежественности сознания. Сергей был невежей, к своим тридцати пяти годам он нахватался многого, но всё поверхностно, лепя для других из наскоро запомнившихся обрывков фактов и знаний более глубокий образ себя. И ведь мы не обижаемся на то, что нас в действительности не задает. Неправда нас не задает. Задает лишь истина. Если кучерявого обозвать лысым, разве он обидится? Он лишь улыбнется и забудет выпад тут же. Если высокого назвать коротышкой, а умного глупым? Тоже самое. Но правда, какую мы сами знаем о себе сами, нас заденет. Особенно болезненно ранит та правда, от которой мы бежим, но не можем отделаться. И именно то, что Сергея задело слово «колхозник», задело так, что он носил обиду уже несколько лет, говорило о правде в словах обидчика. И вместо того, чтобы бороться с собственной ленью и изменить себя, Сергей предпочел лишь сменить музыку в машине.

В тот день мы отправили возвратный товар «Аэросиба» в Москву на склад филиала завода. Заказали под погрузку машину, но та приехала аж в восемь вечера. Трудились мы вчетвером – я, Сергей и два наемных грузчика. Загрузили быстро, и уже в десять набитый под завязку «газон» повез в Москву товар на миллион.

- Ну все! – выдохнул я, внутренне расслабился, и почувствовал, как из головы ушла тяжесть. – Возврат отправили пижону, осталось восемьсот тысяч... Это уже не так много...

- И как мы их отдавать будем? – с каким-то обреченным и обвисшим вдруг лицом произнес Сергей, уставив на меня безвольный белесый взгляд.

- Отдадим, подождут! – сказал я, отмывая руки. – Этот тип наехал на нас, он думал, мы товар продали, а бабки крутим! А мы сказали ему настоящие данные по ситуации, он и огорчился, дурачок! Хотел нас за жопу взять – не вышло. А долг его не очень интересует... Отдадим до конца лета, напряжемся немного и отдадим. Остальным выплаты придержим немного, потерпят... Да!?

Последнее «Да!?» я выдал бодро, обращаясь к Вере. Та поддержала мой настрой, привычно и очаровательно поморщив носик и пискнув так же бодро:

- Да! Я думаю, потерпят!

На следующий день, едва мы оказались на складе и открыли ворота, я зашел внутрь первым и несколько секунд смотрел на пустоту, где еще вчера стояли дихлофосы. Сергей, войдя следом, что-то мне сказал, я автоматически ответил, а сам стоял, смотрел на дыру в центре правой части склада и думал. Я мысленно сравнивал склад с живым существом, у которого одним движением вырвали сердце, оставив зиять в том месте пустоту, которая, безусловно, затянется новым товаром, но прежним склад уже не будет никогда. В тот день мы прошли точку невозврата. Сергей прошелся по складу с кислым лицом, глянул мрачно на опустевшие поддоны и произнес:

- Че, давай грузиться!?

- Да, давай, - кивнул я.

- Так, вот твои отчеты! – произнесла Вера в последний июльский день. Мы только вернулись с Сергеем из «Форта», отвезли товар, сдали его Толику, получили деньги. Отец остался в «газели», мы с Сергеем поднялись в офис. Вера уже собралась домой, на часах было полшестого. Я взял отчеты, простился со всеми и пошел вниз, сел к отцу в «газель». Тот докуривал. Я взгромоздился на сидение, метнул отчеты на панель.

- Едем? – произнес отец, затянулся глубоко, аж до натяжения жил на шее.

- Да, поехали! – кивнул я, отец выкинул бычок, выдохнул в распахнутое окно, завел машину, мы развернулись и ушли вправо, покатали через авторынок домой.

- Двести девять тысяч заработали в этом месяце! – сказал я, глядя на дорогу.

Отец промолчал.

- А год назад было пятьсот восемьдесят, - задумчиво добавил я. – Больше чем в два раза упала прибыль на летнем пике... Хотя... там же был этот акцизный закон и проблемы со спиртовыми дихлофосами! Но все равно, в этом году заметно хуже...

- Мда... неслабо... – произнес отец, не отрывая взгляда от дороги.

- Да, неслабо... – кивнул я. – И с «Аэросибом» косяк вышел... Сейчас доторгуем август и сентябрь и все... Чем-то его заменять надо... «Гарди» надо снова завозить...

Отец молчал, слушал.

Будильник телефона ожил. Казалось, я только лег, а уже вставать. Я сел на диване, в квартире было тихо, только отец в своей комнате спал на спине и оттого подхрапывал и сопел. Вода на кухне редкими каплями гулко падала на дно мойки. Я разлепил один глаз и глянул в окно. Свет вишнево-темно-синей зари резанул зрачок, я закрыл глаз. Три ночи... или утра субботы 2 августа. Пора было идти на авторынок. Машины на площадку пускали с четырех утра, и потому самые ушлые, кто хотел занять лучшие места, съезжались туда к этому времени. Я принял душ, позавтракал бутербродом с чаем, надел футболку, шорты, шлепанцы и вышел во двор. Тишина. Странное ощущение. Я вдруг понял, что отвык от бодрствования в столь раннее время – торчание в ночные клубы до утра осталось позади. Полчетвертого, до авторынка двадцать минут пешком. Летнее утро занималось быстро, но уже не так скоро, как месяц назад в период самых коротких ночей, когда ночь едва густела на востоке, как небо там же начинало стремительно светлеть. Я тронулся в путь на запад, а со спины меня уже нагонял рассвет. Едва я пришел на авторынок, как зазвонил телефон.

- Ну че, ты проснулся? – негромко буркнул еще сонный голос Сергея.

- Да, привет, Серый, я уже на рынке, ты где? – я оглянулся.

Мимо меня через главный въезд рынка тихо катились к площадке машины.

- Я тоже уже тут, стою в очереди метрах в пятидесяти...

- Ага, щас найду тебя... Иду...

От шлагбаума на въезде в два ряда тянулась длинная очередь машин. Некоторые стояли с включенными двигателями и габаритами, их хозяева стояли группками по двое-трое неподалеку, пили кофе и общались. Большинство же машин, будто уснувшие, стояли с водителями внутри. Я нашел «ниссан». Сергей сидел за рулем. Он вышел мне навстречу, поздоровался, потянулся, закинув руки за голову и, разведя назад локти, обнажил густые волосы в подмышках. Выглядело смешно, я отвел взгляд в сторону, то ли от смущения, то ли чтоб не рассмеяться. Мы перекинулись несколькими фразами.

- Пошли кофе поьем что ли? – предложил я.

- Да у меня термос с собой, - кивнул в сторону машины Сергей и, наконец, опустил руки. Он был в оранжевой майке, шортах и шлепанцах. Оба не отличались разнообразием в одежде и отходили на работу три года в чем-то одном, изредка меняя вещи.

- Ладно, пойду куплю кофе, ща приду, - глянул я в сторону киоска, тот был закрыт. Тут же шныряли бабки с тележками и предлагали кофе, чай и пирожки – бизнес.

- Хошь, у меня попей, че будешь покупать? – предложил Сергей.

- Да не, не надо... Термос маленький, щас его выпьем, все равно покупать...

Купив у одной из бабок стакан кофе, я вернулся и сел в «ниссан». Спустя минуту сел рядом и Сергей. От него пахло несвежестью тела. Чтобы отвлечься от неприятного запаха, я отвернулся в сторону площадки и стал ее разглядывать.

- Че, может, снизим цену? – произнес, вдруг, Сергей.

- А зачем? – удивленно посмотрел я на напарника.

- Ну, не знаю... – шмыгнул носом тот. – Мне кажется, триста восемьдесят дорого... Триста шестьдесят можно поставить...

- Че мы только выставили машину на продажу и сразу снижаем цену? – удивился я. – Давай попробуем в эту цену продать... Ну, не пойдет, снизим в следующий раз...

- Ну давай так... – буркнул Сергей и открутил крышку термоса.

Очередь ожила в пять, машины зафыркали двигателями, и те, что в голове очереди, двинулись вперед. Едва шлагбаум поднялся, как первая заехала на площадку и выверенно заняла свое место в одном из рядов. Следом потекли на площадку и остальные машины. В начале шестого попали на площадку и мы, поставив «ниссан» в той же дальней части, но не под вышкой, а напротив нее. Очередь у въезда иссякла, а стоянка едва ли заполнилась наполовину. Все как-то враз угомонилось, и стало тихо. Я вышел из машины. Прогоняя накотивший в машине сон, я принялся бесцельно бродить рядом, свежий воздух бодрил.

Верхний ряд площадки пустовал весь. Машины по одной все пребывали, но места верхнего ряда не занимали. «Все давно поделено и схвачено», - подумал я и зевнул, потер лицо и купил у бабки стакан чаю. К шести рассвело полностью, словно приподнявшись на цыпочках, солнце выглянуло поверх спящего города. По Окружной покатали маршрутки.

- Че они машины моют что ли? – произнес Сергей, выйдя наружу.

- Да, похоже на то... – кивнул я и глянул на «ниссан». – Ды наша, вроде, чистая...

- Откуда это они воду носят? – шмыгнул носом напарник, всматриваясь в верхний дальний угол площадки, где забор убирался в котлован. Там от площадки шла тропинка и терялась в кустах, облепивших котлован. Вот один из владельцев машин пошел по тропе, почти скрылся в кустах и нырнул вниз.

- А там труба же сливная! – кивнул я. – Из нее вода течет постоянно!

- А, - произнес Сергей и зевнул. – Да у нас все равно ни ведра, ни тряпки нет. Надо будет в следующий раз положить в багажник... Напомнишь мне тогда, Ромыч, хорошо!?

Машины принялись мыть многие. Асфальт площадки пошел водными потеками, и все они устремились вниз по наклону. До девяти делать было совсем нечего. Мы убивали время бесцельно слоняясь между машин или сидя в «ниссане» и борясь со сном. Машины все пребывали и заполняли пустующие места. На синем «пежо» явился «дрючбан» Сергея и припарковал его напротив нас в ряду ниже. В полчаса к девяти заполнился верхний ряд, и пошли первые покупатели. Они входили на площадку неуверенно по двое-трое и будто жались друг к другу от того, что явились рано, озирались и шли вдоль рядов с заспанными лицами.

- Ну че, триста восемьдесят пока оставляем!? – произнес Сергей, крутя в руках лист бумаги с напечатанной на нем цифрой.

- Да, пока пусть так будет, - кивнул я, Сергей пихнул бумажку под лобовое стекло, произнес «пойду с Витей поздороваюсь» и вышел из машины.

В тот день мы снова пробыли на площадке до двух. С полудня до часу покупатели шли особенно густо. «Ниссан» вызывал интерес, его осматривали, заглядывали в салон и охали при виде открывающейся электронной двери, но и только. Хоть машину мы и не продали, но у меня было стойкое ощущение, что в августе, в крайнем случае – в сентябре, хорошо – в октябре, мы продадим ее точно. Предложений «праворуких» авто было мало, не более десятка, а минивэнов, считая с нашим, всего три. Витя продал «пежо». Какая-то девушка подошла к машине с родителями и крутилась у нее минут десять. Я наблюдал за действием сквозь лобовое стекло «ниссана». Витя, сутулясь, суетливо обхаживал клиентов, наконец, усадил их в машину и увез с рынка.

- Че, завтра выезжать будем? – сказал Сергей в полвторого, когда за посетителями начали покидать площадку и машины.

- По-хорошему, надо, - сказал я. – Народ идет, интерес есть. Чего день пропускать? Можем же в любой момент продать... Думаю, в августе надо выезжать в оба выходных!

- Да, давай, выедем завтра! – после короткого раздумья согласился Сергей.

Едва мы в который раз вышли из машины размяться, как позвонила Вера.

- Да, че ты? – буркнул в телефон Сергей и обратился в слух.

- Вер, ну я не знаю... ну давай лагман сделай... не, уху не хочу, уху мы в прошлый раз варили... Давай, лагман! Да, все, делай лагман! – напарник замолк, оторвал телефон от уха, глянул на его экран. – Ну через полчаса... да... через час буду на даче... Давай, пока!

Сергей схлопнул телефон, сунул его в шорты, шмыгнул носом, выпятил губы.

- Вера звонила? – любопытствовал я.

- Да, супруга звонила... Спрашивала, что приготовить на обед... – буркнул Сергей, разглядывая жизнь автомобильной площадки без очков сквозь прищур глаз.

Меня отчего-то всегда смешило и коробило одновременно, когда он произносил по отношению к Вере слово «супруга». Это так не лепилось к ним, к тому, какими я их обоих знал. Слово «супруга» отдавало каким-то официозом. Мне всегда ощущалось, что супруги бывают у президентов, министров и вообще у всего этого народа пенсионного возраста. Супруга – слово-то прям старое! Оно для женщины, как пиджак для мужчины. Вроде как была любимая женщина и вся такая живая, веселая, жизнерадостная и тут муж ее так раз, называет «супругой» и словно запись в паспорте сделал официальную. И сразу уже в моем сознании живость женщины пропадала, являлся образ «супруги» важной тетки, знающей,

что она «супруга». А к Вере это слово не шло никак. Я ее знал как неунывающую веселую молодую женщину. Так и с мужчинами – стоишь со знакомым, он в простой одежде, ты в такой же, и треплетесь о жизни, и разговор идет. А потом раз, видишь его спустя время в костюме, пиджаке и брюках с рубашкой, да еще и, не дай Бог, в галстуке, и все – и сразу понимаешь, перед тобой какой-то официальный человек, определенно чей-то супруг! И уже не знаешь, как с этим манекеном общаться. Он-то при должности, а ты все в той же простой удобной одежде. Я, наверное, потому и не носил никогда всех этих костюмов, а уж тем более галстуков. Разве что только в армии, там надо было – форма одежды. Мне всегда хотелось оставаться «живым» что ли... хотелось быть человеком, а не «супругом» в пиджаке... Все эти социальные роли... И люди их носят, и мало того, стремятся к ним... побыстрому обвесить себя портфелями, галстуками и прочими атрибутами «значимости». И жена должна быть не просто «моя любимая Веруся», а «моя супруга Вера»! И я смотрел на Сергея и понимал, что как он не пытался на себя натягивать социальный статус, как не корячился, а для меня навсегда будет просто Серым, а его жена – Верой. Глаза напарника светились сильным желанием статуса, но как он не лепил к себе его атрибуты, те в моих глазах отваливались от Сергея прочь, как плохо клееные обои от стен.

И еще это «спрашивала, что приготовить на обед»... Мне вот так и хотелось в голос сказать – Блять, ну почему так!? Почему Сергею, который никогда не любил свою жену и не любит, и считает всех баб дурами, почему «эта дура» ему звонит и спрашивает, что приготовить на обед, а мне!?

В голове тут же полетели вихрем воспоминания о всех моих отношениях. И во всех них я видел общим одно – ни одна из девушек меня не ценила. Чем я сильнее, как говорил Сергей, я «вкладывался в баб», тем хуже становились сами отношения. Я понимал, что по своему он прав. Натерпевшись по молодости таких отношений, Сергей быстро сообразил в чем дело и изменил модель своего поведения. Я же уяснил важность нового понимания женщин, наевшись в отношениях негатива лишь к тридцати. Но циничная и расчетливая позиция Сергея мне претила категорически. Веру было жаль. Складывалось понимание, что за все свои прежние унижения и поражения от женщин, с болезненным удовольствием Сергей отыгрывался на ней. «Неужели Вера не видит этого!?» - удивлялся я. Картина их семейной жизни Сергея вставала в моих глазах сюрреалистическим горбом, дыбившимся с каждым днем все сильнее и ломавшим все мои первые впечатления о жизни этой пары.

- Нормально так у тебя в семье все построено... – произнес я, прервав суматошный бег мыслей.

- Дааа... – будто даже гоготнул Сергей. – Мне как-то один знакомый сказал... Он и жена пришли к нам в гости, мы че-та отмечали, стол накрыли, все как положено... Ну, Верок бегаает, суется на кухне... мы за столом все... она приносит новые блюда, относит пустые тарелки... Ну, в общем, занимается своими бабскими делами! И потом уже этот знакомый, или его жена, я уж не помню! Они уходят... и он такой говорит – да, как у вас тут в семье все заведено!

- А, может, оно и правильно! – выдал я, уплывая вновь в свои мысли.

- Роман, да я просто стараюсь Верка всегда загружать по полной! Чтоб она даже не могла голову поднять и начать думать, что тут правильно, а что неправильно! Только она задание выполняет, я ей новое тут же даю, и она работает! Я просто знаю всех ее подруг, у нас же много знакомых таких же семейных пар... И я вижу, что там происходит... Мужик только дал слабину своей бабе, все – та пошла по каким-то своим подружкам, те ей давай

нашептывать в уши, а потом она возвращается домой и начинается... Мне это не надо! Я поэтому Верка и не пускаю ни к каким подругам, держу около себя! Я ей всегда говорю – Вот, у тебя есть семья... муж, дети... вот и занимайся! А с этими дурами нечего общаться!

- Ну, это тоже верно... – кивнул я. – Если есть семья, то надо ей заниматься, а не по подружкам шляться...

- Роман, просто я знаю Верку очень хорошо! – продолжал откровенничать Сергей. – Мы с ней знакомы, считай, с шестнадцати лет! Она очень поддается чужому влиянию! И если бы я ее не забрал с улицы, она бы по рукам пошла!

Я слушал слова Сергея и буквально чувствовал физически, как мой мозг их жадно впитывает, стараясь не проронить ни единого. Что-то очень важное для меня было в таких его откровениях. В эти моменты Сергей вытаскивал из своего шкафа очередного скелета, которому я тут же внутренне содрогался. Застали меня врасплох и эти его слова, я даже не помню, как мы распрощались и разъехались. Сергей поехал на «ниссане» в сторону офиса. Я же сел в «пазик» и протрясся в нем пару остановок. Глупый гвалт, поднятый толстыми тетками в салоне маршрутки, мешал мне думать. Я вышел на остановке и следующие три шел пешком. Думать и идти – одно из лучших удовольствий в жизни. Особенно летом.

Дома я лишь пообедал, отдохнул с полчаса и пошел в свою квартиру. Нужно было продолжать красить трубы. Я взял себе за правило выделять на ремонтные работы время с утра перед работой час и вечером два, в выходные после авторынка я работал в квартире дольше, часов до семи-восьми вечера. Порядок и график в любой работе главное дело – я его придерживался, ремонт медленно, но двигался.